

Роман Бродавко

Прощай и помни обо мне

Драматический этюд

Действующие лица

Ричард Бёрбедж, великий английский актер, друг Шекспира,
50 лет

Том, его племянник, 15 лет

Неизвестный

Место действия – Лондон. Время действия – 1618 год.

Комната в доме Бёрбеджа. В центре большое окно, через которое просматривается улица в лучах догорающего заката.

Слева дверь.

Массивная мебель. Шкафы с книгами. В центре – стол, заваленный измятыми бумагами. На нем большой подсвечник. За столом сидит Том, перед ним чистые листы, чернильница. Бербедж разбирает бумагу. Вынимает одну, читает вслух.

Бербедж. Как лед, как лед, о, девочка моя!
Подобна чистоте твоей. – О, изверг!
Плетьми меня гоните
Вы, дьяволы, от зрелища небес!
Мечите по ветру! Изжарьте в сере!
Швырните в бездны жидкого огня! –
Мертва! О Дездемона! Дездемона!
О! О! О!

Что творилось в театре, когда я произносил эти строки! Люди падали в обморок!.. Да и мое сердце в этот момент выпадало из

груди... Вот где гениальность! Уильям писал Отелло специально на меня. Поверь, Том, я не учил этот текст – он как-то сразу вошел в меня. Я сжился с этим мавром... В какие-то мгновения я думал, как он, страдал, как он, слепнул от ревности... Да... Уже третий год, как Уильяма нет. И нет новых пьес, которые хоть в чем-то приближались к его творениям. А самое главное – какая преступная халатность! Творения великого Шекспира исчезли куда-то, и мы уже полгода собираем их по ролям... По этим полуграмотным спискам, которые неблагодарные актеры хранят в сундуках с костюмами и париками... Господи, только бы не потерять чего-то... «Ромео и Джульетту» собрали, «Гамлета» и «Лира», слава Богу, тоже... И «Ричарда», моего любимого «Ричарда»... О, это была моя коронная роль!.. Лучшая!.. Он был великий шутник, сэр Уильям. Была одна история... Ты уже взрослый, Том, так что могу рассказать... Значит, играл я Ричарда III. Помнишь, там есть сцена обольщения леди Анны у гроба короля Генриха? Когда я обращался к Анне своим бархатным голосом, когда смотрел на нее взглядом, исполненным любовью, – дамы в зале теряли голову. В эти мгновения каждая была готова стать моей. Так вот, одна из моих поклонниц, которая смотрела Ричарда раз десять, пришла в антракте за кулисы и сказала мне: «Жду вас после спектакля у себя. Когда приедете, скажите дворецкому: прибыл Ричард III». Этот разговор подслушал Уильям. Пока я переодевался и выслушивал комплименты от растроганных зрителей, он раньше меня явился на свидание и был принят. А когда этой даме объявили о моем прибытии, он, рассмеявшись, приказал дворецкому ответить, что Уильям Завоеватель пришел раньше короля Ричарда... Да, он всегда был первый, но у меня это не вызывало зависти. Он гениально писал – я гениально играл, он владел искусством стихосложения, а я кистью – и, как ты знаешь, неплохо. Ах, молодость... Да что молодость? Вся моя жизнь – это его пьесы. Я играл Гамлета, Лира, Макбета, Кориолана, Антония, Просперо, Генриха V... Мы с ним вместе владели театром – и не одним. Времена были разными. Мы то разорялись, то снова становились на ноги... И никогда – слышишь, Том, – никогда у нас не возникало конфликтов на почве денег. Я полностью доверял ему, а он – мне. Все поровну... Однажды граф Ретленд заказал мне герб для учас-

тия в рыцарском турнире при дворе короля. Тогда любили всякого рода аллегорические и символические изображения, но я не мог ничего путного придумать и обратился к сэру Уильяму. На следующий день он выдал гениальную идею, а я сделал рисунок и раскрасил его золотом. Граф был в восторге! Деньги мы честно поделили пополам – ему 44 шиллинга и столько же мне. Да, мы с Уильямом всегда понимали друг друга... По завещанию он оставил мне деньги на покупку перстня в его память. Вот он... Я буду носить его до конца дней...

Раздается стук в дверь.

Выйди, сынок, посмотри, кого Бог принес...

Том выходит и тут же возвращается.

Том. Там какой-то господин. Приехал в экипаже. Он не захотел представиться...

Бербедж. А как выглядит?

Том. Одет как джентльмен.

Бербедж. Проси.

Том открывает двери. Входит Незвестный.

Незвестный. Добрый вечер, мистер Бербедж. У меня к вам дело...

Бербедж. Входите, сэр. Прошу садиться. Я весь внимание...

Незвестный. Я хотел бы с глазу на глаз...

Бербедж. Том, оставь нас. *(Том выходит.)* Я слушаю...

Незвестный. Я знаю, что вы, сэр, собираете по ролям пьесы вашего великого друга сэра Уильяма и намерены их издать, не так ли?

Бербедж. Именно так.

Незвестный. Так вот, я хотел бы предложить вам последнюю пьесу Шекспира. Ту, которую еще никто не ставил и никто не играл...

Бербедж. Не понимаю. Мы более тридцати лет дружили с сэром Уильямом. Он умер у меня на руках... О какой пьесе идет речь, если в последние годы он удалился от дел и вообще ничего не писал?

Незвестный. Но такая пьеса есть. Вот она...

Бербедж. Простите, сэр, но подозреваю, что речь идет не о пьесе Шекспира, а о пьесе другого автора. Я правильно вас понял?

Неизвестный. Именно так. Речь идет о моей пьесе, которую я хотел бы издать как пьесу Шекспира. Уверен, что с этим именем ей будет обеспечена долгая жизнь на сцене...

Бербедж. Но пьесы Шекспира... Они узнаются сразу...

Неизвестный. Прочитайте – и вы убедитесь, что моя ни в чем не уступает пьесам сэра Уильяма, с которым я так же, как и вы, был знаком.

Неизвестный кладет на стол рукопись.

Бербедж. Извините меня, сэр, но я чего-то не понимаю... Обычно люди стремятся прославить свое имя. Ради этого идут на всякие ухищрения. Даже... даже на плагиат. А вы... Что вам мешает опубликовать пьесу под своим именем?

Неизвестный. Я хочу подарить человечеству не свое имя, а свое произведение.

Бербедж. Но ведь пьесы для автора – как дети, так сказать, кровь от крови, плоть от плоти...

Неизвестный. А известно ли вам, сэр, что около пяти процентов детей, появившихся на свет в полных семьях, рождены не от законных мужей, а от побочных связей их жен? Мужья не догадываются об этом, дают детям свое имя, состояние, растят их, учат... Они любят их, не подозревая, что вовсе не они отцы этих чад. Мой друг, аббат, который исповедует многих дам, знает эти тайны. Но они, конечно, остаются тайнами исповеди. Так вот, я хочу, чтобы мой роман с драматургией остался тайной, а у моей пьесы был законный отец... С этим именем ее обязательно поставят. Она будет иметь успех. А я буду издали радоваться, что она нужна театру и зрителям. И еще... Пока драматург жив, он влияет на время, но потом... Потом время распоряжается тем, что ему досталось в наследство. И здесь имя играет не последнюю роль. Пьесу под моим именем забудут, под именем Шекспира – никогда!

Бербедж. Но почему Шекспир? Почему бы вам, сэр, не объявить, что эту пьесу написал, скажем, покойный Кристофер Марло?

Неизвестный. Рукописи Марло сохранились, все, что им написано, уже известно публике. А Шекспир... Для всех Шекспир – это загадка. К тому же, вы сейчас занимаетесь подготовкой первого издания его пьес. Что вам мешает присовокупить к ним еще

одну? Ту, которая до сих пор не была поставлена? Думаете, что кто-то догадается, что это не Шекспир? Никогда! Поверьте, она написана в его лучших традициях. Кроме того, я убежден, что через некоторое время найдутся люди, которые усомнятся в том, что все написанное Шекспиром принадлежит ему. Наверняка будут говорить, что под именем сэра Уильяма скрывается дюжина драматургов, ибо один человек всего этого написать не мог... Бедное человечество: оно не способно безоговорочно признавать чью-то гениальность. Будут спорить, Шекспир ли написал свои пьесы, или вовсе не Шекспир. Мою, то есть теперь уже его пьесу, начнут исследовать, изучать... А значит, она будет в поле зрения!.. Кстати, поставят под сомнение и изображение сэра Уильяма – то самое, которое написали вы, сэр, – так называемый «чандосский портрет» Шекспира. Впрочем, нас уже не будет на этом свете. Соглашайтесь, сэр... (*Незнакомец кладет перед Бербеджем кошелек.*) Здесь десять фунтов. На издание пьес сэра Уильяма... Сумма немаленькая. Но это ни в коем случае не плата за услугу, которую я прошу вас мне оказать. Здесь – воля ваша...

Бербедж. Увы, сэр, я вынужден вам отказать... Я издам только Уильяма Шекспира.

Неизвестный. Жаль! Очень жаль!.. В таком случае позвольте откланяться.

Бербедж. Погодите! Ваша рукопись...

Неизвестный. А... Я ее оставляю... Прочтите на досуге. Прощайте!

Неизвестный выходит. Входит Том.

Бербедж. Какой-то странный тип... И предложение дикое... Посмотри, сынок, что это за рукопись...

Том подходит к столу, перелистывает страницы.

Том. Здесь ничего нет... Белые листы...

Бербедж. Что за наваждение!.. Ведь он был здесь – или мне все это привиделось?

Том. Конечно, был! И деньги...

Бербедж. Да... Вот они...

Том. Что с вами, дядя? Он оскорбил вас?

Бербедж. Нет, он был учтив... Но пьеса... Он сказал, что оставляет мне пьесу...

Том. Дядя, здесь какой-то конверт. Он запечатан...

Бербедж. Дай сюда. *(Читает.)* «Сэру Ричарду Бербеджу». То есть мне... И рука знакомая. *(Распечатывает конверт.)* Боже мой! Это – он! Это – он!

Том. Кто?

Бербедж. Сэр Уильям! Как же я сразу не распознал его почерк? *(Читает.)* «Привет, старина! Думаю, что уже настало время издать мои пьесы. Но, как всегда, на это не найдется денег, а на меценатов рассчитывать не приходится. Я привык за все платить сам, поэтому поручил Френсису передать тебе десять фунтов. Надеюсь, на первое издание этого хватит. Френсис – добрый малый, но он очень подозрительный. Он искренне любит меня и страшно боится, чтобы к моим творениям потомки не присовокупили какой-то дряни. За это я ему очень благодарен. Будь снисходителем, если этот чудак придумает что-то экстравагантное. Он на это способен. Прощай и помни обо мне. Твой Уильям».

Затемнение.

